

П.Г. Аграфонов

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ ЭПОХИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются иностранные источники, касающиеся событий Смутного времени. Эти материалы дополняют сведения о Смуте на территории Ярославского края, оставленные польскими, шведскими, английскими и голландскими источниками. На основании анализа представленных в этих материалах данных более полно реконструируется политическая и социальная история Ярославского края в XVII столетии.

Смута, Ярославский край, Ярославль, Углич, царевич Дмитрий, Лжедмитрий II, политическая история, менталитет.

Сведения о событиях Смуты в Ярославском крае, помимо обширного корпуса польских, английских, шведских и голландских источников [1, с. 31–41; 2, с. 149–175; 3, с. 37–45; 4, с. 48–53], содержит также группа разнородных материалов, оставленных подданными других государств. С разной степенью детализации и достоверности они значительно дополняют картину истории края в Смутное время.

Обзор этих источников следует начать с сочинения, автором которого является некто Бареццо-Барецци. По одним сведениям, это венецианский типограф и книготорговец, который никогда не был в России, но в 1605 под своим именем издал книгу, названную «Повествование о замечательном и почти чудесном завоевании отцовской империи, совершенном ясным юношей Дмитрием, великим князем московским в 1605 г., с описанием его венчания, и всего, что он сделал после своего венчания с последней числа июля и до сего дня» [14]. Книга посвящена отстаиванию теории завоевания государства законным, по мнению автора, наследником. Такой вариант развития событий пересказан Барецци, никогда не бывавшим в России, с чужих слов.

Существует точка зрения, что под именем Бареццо-Барецци скрывался побывавший в России папский легат Антонио Поссевино, который в 1605 году издал сочинение о «светлейшем юноше Димитрии», получившее широкое распространение в Европе.

Сведения Бареццо-Барецци о событиях в Угличе – недостоверные и очень краткие – дополняются другими источниками, написанными в то же время. Одним из них является труд немца Матвея Шаума, участвовавшего в войне с Россией в составе шведской армии. По возвращении Шаум оставил сочинение под названием «Tragedia Demetrio-Moscovitica» (1614). Сведения, представленные этой работе, свидетельствуют о близком знакомстве автора с вопросами во-

енно-политического взаимодействия России, Швеции, а также Польши в этот период [17].

В 1612–1613 годах в Европе была издана «Московская хроника» немца Конрада Буссова [6]. Эта работа выделяется среди множества иностранных материалов о России конца XVI – начала XVII вв. исключительной информативной насыщенностью, полнотой и выразительностью собранных автором сведений. Изложение Буссова отличается также широтой хронологического охвата событий. «Хроника» начинается временем правления Годунова и заканчивается освобождением Москвы.

Автор получил довольно хорошее образование и познания в военном деле. В 1601 году он был на шведской службе в Лифляндии, позже переселился в Москву. После смерти Лжедмитрия I Буссов перешел на службу к Лжедмитрию II, а после его смерти – к польскому королю Сигизмунду III. В сочинении Буссова немало страниц посвящено участию Ярославля в событиях «Смутного состояния Русского государства».

Почти одновременно с публикацией хроники Буссова лютеранский проповедник Мартин Бер, выходец из города Нойштадт-на-Орле, составил собственное сочинение о событиях в России, которым он был свидетелем – «Московскую летопись» [5]. Степень достоверности этой работы в той части, которая касается событий в Ярославле и его округе в Смутное время, достаточно высока, так как автор жил в России, был пастором в лютеранской церкви святого Михаила в Москве. Он был лично знаком с Борисом Годуновым и Мариной Мнишек. «Летопись» содержит множество уникальных известий, в том числе и о личном признании автору Григория Отрепьева в своем самозванстве.

Суздальским архиепископом Федор Иванович назначил еще одного автора-иностранца, оставившего сочинение о событиях Смуты, в том числе на территории Ярославского края, – архиепископа Элассон-

ского Арсения. До этого назначения Арсений несколько раз побывал в России в составе церковных делегаций, а позже написал на новогреческом языке «Описание путешествия, предпринятого Иеремией Вторым, Патриархом Константинопольским, в Московию, и об учреждении Московского Патриаршества» [7].

В мае 1601 года в Москву прибыл купец из Аугсбурга Ганс Георг Паерле. После убийства Лжедмитрия I он сумел присоединиться к свите польских послов, а покинул Россию в августе 1608 на основе перемирия между русским и польским правительствами. Вернувшись, он написал сочинение, названное «Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургского, с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом младшим из Кракова в Москву и из Москвы в Краков с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608» [10]. В его первой части описывается история Лжедмитрия I, во второй – пребывание Паерле в Москве. Наиболее ценна первая часть, в которой автор рассказывает о событиях в Угличе.

Еще одним значимым историческим источником, содержащим сведения о политических событиях в России с 1590 по сентябрь 1606 года, в том числе в Угличе и Ярославле, считается труд профессионального французского солдата-наемника Жака Маржерета «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» [9]. В 1600 году Маржерет поступил на русскую службу. Перейдя впоследствии на сторону Лжедмитрия I, он возглавил один из польских отрядов в Москве. Вернувшись во Францию в сентябре 1606 года, оставался там в течение двух лет, опубликовав в это время свое сочинение о Русском государстве. В 1608 году Маржерет вернулся в Россию и поступил на службу к Лжедмитрию II, а впоследствии – к Сигизмунду III. Осенью 1611 года он навсегда покинул Россию.

Если Маржерет написал свой труд, опираясь на личные впечатления, то его соотечественник Жак Огюст де Ту – известный французский государственный деятель и историк – никогда в России не был. Книгу «История моего времени», в которой говорится и о событиях в Угличе, приведших к началу Смуты, он написал на основании сообщений Маржерета, Петрея и иных иностранных авторов [16].

Наконец, интересным иностранным свидетельством о Ярославле эпохи Смуты являются письма касимовского царя Ураз-Магмета гетману Сапеге о присылке грамот для защиты его поместий во Владимирском, Ярославском и Углицком уездах и с просьбой запретить взимать всякие поборы с имений, пожалованных его сестре, и дать охранную грамоту на эти имения, написанные в 1609 году [12; 13].

Среди иностранных источников начала XVII века особняком стоит сочинение Дон Жуана Персидского. Настоящее имя автора – Орудж-бек Баят. Он был послом дипломатической миссии сефевидского шаха в Испании в 1599–1602 гг. Оставшись в этой стране, он перешел в христианство и принял имя Дон Жуан Персидский. Свои впечатления от путешествия по России, в том числе по Ярославской земле он отразил в изданной в 1604 году книге «История Дон Жуана Персидского» [15].

Известия о Ярославле, оставленные дон Жуаном, отличаются неточностью, а местами и вовсе абсурдны. У него Ярославль назван Переяславлем, а Вологда появляется под именем Ярославля. При этом описания Ярославля и Вологды почти совпадают. Неправдоподобно выглядит и численность населения города. Кроме того, по мнению автора, «берега Волги населены медведями, львами, тиграми и куницами разных видов». Свое путешествие по территории Ярославского края Дон Жуан Персидский совершил в 1600 году, когда основные события Смуты были еще впереди. Поверхностность описания земель, которые он проезжал, привела к тому, что автор даже не упоминает о событиях, случившихся в Угличе в 1591 году.

Между тем Ярославский край интересует иностранцев в первую очередь как место, где разыгралась трагедия, положившая начало Смуте, – смерть царевича Дмитрия в Угличе. Мнения иностранцев о причинах случившегося диаметрально противоположны. Так, Бареццо-Барецци пересказывает события, произошедшие в Угличе в 1591 году, разделяя традиционно популярную в то время на Западе точку зрения, что вместо настоящего царевича был убит мальчик «таких же лет и сходной наружности». Сам же Дмитрий был отправлен «в безопасное место». Восстание, начавшееся в городе, было подавлено Годуновым под предлогом борьбы с эпидемией язвы, которой «москвитяне несказанно боятся». «Потом Борис... велел сжечь весь город со всеми людьми, которые там находились» [14, с. 5].

Это мнение разделяет анонимный автор написанного на латыни сочинения «Краткая повесть о злополучии и счастья Дмитрия, нынешнего князя московского» [8]. Автор «Повести» мог быть очевидцем событий этого времени, близким Лжедмитрию человеком. По его словам, Иван Грозный дал Дмитрию «Княжество и город Углич (Uglik), где в то время было очень много ученых людей». Один из них, преданный Дмитрию доктор Августин, нашел «...мальчика, сына жены какого-то знатного человека, Истомина (Estomen), капля в каплю похожего на Дмитрия, летами, ростом и наружностью». «В одну непогодную ночь» злодеи «убили того бедного мальчика лукаво показав, что Дмитрий, одержанный падучею болезнью, сам наложил на себя руку, то есть, пронзил себя своим собственным кинжалом» [8, с. 3].

Примерно так же этот сюжет излагается у Георга Паерле. Только наставника Дмитрия, по его мнению, звали Симеоном. «Годунов... золотом склонил на свою сторону несколько Москвитян, и послал их в город Углич с поручением тайно умертвить жившего там Дмитрия... Наставник, по воле Небес, взял отрока, весьма похожего лицом и видом на Дмитрия, и в ту же ночь положил его на постель Царевича; убийцы, думая, что время настало и что все устроено согласно с их намерением, прокрались в комнату и умертвили отрока; Дмитрия между тем Симеон спрятал» [10, с. 2–3].

А Маржерет, описывая угличскую трагедию, прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели под-

менить его и подставить на его место другого ребенка» [9, с. 13]. Состоявший на службе у Самозванца Маржерет в своем изложении, естественно, придерживался именно такого варианта развития событий.

В доказательство своей точки зрения Маржерет позднее приводит рассказ сосланного в Ярославль «негодяя и горького пьяницы, расстриги Григория Отрепьева», который «признавал Дмитрия истинным сыном Иоанновым». Говоря о том, что Василий Шуйский приказал вскрыть могилу Дмитрия в Угличе, в ходе чего обречено было «тело невредимое в одежде столь свежей, как в день погребения... даже самые орехи, бывшие в руках царевича, оказались совершенно целыми. Вынутое из могилы, оно совершало, по их известию, многие чудеса, как в Угличе, так и на пути к столице» [9, с. 108], Маржерет не скрывает своего скептического отношения к этим событиям.

Другая группа иностранных респондентов придерживается противоположной точки зрения. Они считают, что в 1591 году в Угличе погиб царевич Дмитрий.

Так, Матвей Шаум говорит: «Для чего Поляки и Паписты защищают его мнение, всяк легко понять может, кто только сведущ в Польской и Шведской войне. Надобно только удивляться варварскому невежеству Русских, которое наиболее стало причиною сего сомнения, касательно жизни или смерти Дмитрия». Далее он излагает свою точку зрения, согласно которой во время пожара на Дмитрия «напали изменники – собственные его слуги, закололи и бросились к пожару с криком и воем, что господина их, Дмитрия, закололи во время тревоги». Дмитрий был похоронен в Угличе, а при Василии Шуйском перезахоронен «по-великокняжески». Шуйский приказал также палаты царевича (которые Шаум называет замком) «разломать, как дом смертоубийства» [17, с. 6].

В том, что в Угличе был убит подлинный царевич, не сомневаются и другие иностранные информаторы. Так, Буссов считает, что «Годунов прельстил деньгами двух русских людей, и они перерезали царевичу горло в Угличском кремле на месте, отведенном для игр» [6, с. 80]. В доказательство своих слов он приводит свидетельство «одного москвитя, которому было 105 лет и который был в угличском дворце сторожем при молодом Дмитриии», который «видел его, лежащего мертвым на месте для игр». Он также пишет о том, что «Шуйский... послал 30 июня 1606 года в Углич вырыть труп настоящего Дмитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет и давно истлевшего, перевезти его в Москву и похоронить в той же церкви, где лежат прежние цари» [6, с. 133].

Эту точку зрения разделяет и Мартин Бер, который сообщает, что Дмитрий, отправленный Федором «в назначенное ему княжество Угличское, лежащее от Москвы в 90 верстах или 18 милях», был зарезан подкупленными Годуновым людьми. «Так царевич простился с миром в самом нежном возрасте, на 10 году. Его похоронили в Угличе» [5, с. 2].

Наконец, Углич как место трагедии, упоминается в сочинении де Ту. Автор, описывающий события 1591 года с чужих слов, говорит, что царевич «воспитывался за 100 миль от столицы, в городе Угличе». Годунов, «решившись погубить царевича... устроил

кое следующим образом: в России очень часто случаются пожары, от того, что все строения там деревянные; как скоро покажется огонь, звонят в большой колокол и народ спешит загасить пламя: в таких случаях царевич обыкновенно выходил из своих покоев; Борис принял меры, расставил убийц; Дмитрия подстерегли, когда он сходил с крыльца, и закололи». Позже «Борис... поступил с жителями Углича очень бесчеловечно: богатейших граждан казнил мучительною смертью; иных предал бесчестным пыткам и страданиям... а дворец приказал сжечь, чтобы не оставалось и следов мрачного злодейства». Стараясь быть объективным, де Ту отразил в своем сочинении обе точки зрения – одни «решительно говорят, что в Угличе погиб истинный Дмитрий; другие же рассказывают совсем иное» [16, с. 329].

Углич упоминается иностранными авторами в связи с еще одним событием. Речь идет о пребывании там наследника шведского престола Густава Эриксона. Сообщения об этом оставили Бер и Маржерет. Первый сообщает, что Годунов, «узнав, что Густав, герцог шведский, сын короля Эриха, живет в Риге весьма скудно... хотел явить ему царское великодушие... дал ему Углич, где он получал приличное содержание. Густав умер в царствование Василия Шуйского» [5, с. 13–14]. Маржерет, со своей стороны, добавляет, что Годунов обманом завлек в Россию Густава, но так как тот не оправдал ожиданий, «его удалили как опального в город Углич... где при хорошем хозяйстве он мог иметь до 4 000 рублей дохода ежегодно» [9, с. 67].

Особенно подробные сведения об этом сообщает Буссов. По его словам, в 1599 году Годунов пригласил Густава и, более того, «хотел дать ему в жены свою единственную дочь», рассчитывая тем самым закрепить авторитет новой династии на международной арене. «Он... предоставил в его распоряжение все свои военные силы, чтобы при помощи их он напал на своих неверных шведов... и постарался вернуть себе отцовский наследственный трон. Но герцог Густав не пожелал на это согласиться... В конце концов, поскольку не было высказано желания воевать со шведским государством, царь... проявил к нему такую немилость, что отправил его насовсем из Москвы в Углич. Густав умер в Угличе. Там его содержали по княжески до самой его смерти, случившейся при третьем после того царе, Василии Шуйском» [6, с. 86]. На самом деле Густав, уже находясь в Москве, скомпрометировал себя тайными сношениями с противниками России. Поэтому он был отправлен в Углич, при Лжедмитрии I переведен в Ярославль, а оттуда в Кашин, где и умер.

Следующий сюжет, связанный с Ярославским краем в иностранных источниках, – пребывание в Ярославле пленных поляков – сподвижников Лжедмитрия I. Мартин Бер коротко сообщает, что «поляки, исключая королевского посланника, 31 мая были разосланы по темницам в разные города: в Новгород, Переяславль, Ростов, Галич, Кострому, Белоозеро, Вологду; там они сидели на хлебе и воде и отдали за половинную цену все свое серебро, чтобы не умереть с голоду. Наконец Дмитрий II освободил их чудесным образом» [5, с. 98].

Следовательно, Ярославль у Бера как место ссылки отсутствует. Подробнее говорит об этом Буссов. По его сведениям, ссылки частично «были заточены в тюрьму в Ярославле, а господин воевода и царица вместе с братом и родственниками были там же, в Ярославле заточены в одном дворе и так охранялись днем и ночью, что никто не мог и не смел входить к ним или выходить от них, разве что позволят москвиты. Часть поляков препроводили в Ростов, часть в Галич, некоторых в Кострому, Каргополь и Вологду. Было дано распоряжение содержать их там на воде и хлебе. Польские вельможи вынуждены были продавать за полцены серебряные украшения и то, что уцелело у них во время мятежа». Ниже он уточняет, что в Ярославль и Ростов была отправлена Марина Мнишек «вместе с ее отцом, воеводой Сандомирским, а также господина Скотницкого и других польских вельмож вместе со всеми их близкими». Позже, по мнению Буссова, Шуйский, страшась, что они могут попасть в руки Лжедмитрия II, отправил «несколько тысяч человек, чтобы они тайно пробрались туда и спешно привезли ее снова в Москву». Однако эта попытка оказалась неудачной. «...Дмитрий второй чудесным образом освободил их» [6, с. 127].

О том, как события 1608 года повлияли на Ярославский край, говорят Конрад Бусов и Мартин Бер. Следует отметить, что их рассказы во многом схожи. Это и неудивительно. Приехав в Москву, Буссов породнился с Бером, выдав за него свою дочь.

Так, Буссов пишет о том, что после неудачной попытки взять Троице-Сергиев монастырь «Сапега послал из лагеря небольшой отряд немцев, поляков и казаков разведать, нельзя ли овладеть некоторыми городами или добром привести их к присяге. Капитаном у них был испанец, по имени пан Хуан Крузати» [6, с. 154]. На самом деле Хуан Крузати (или Крузатти) был доверенным лицом гетмана Сапеги, а не командиром одного из его отрядов. «Первый город, куда они пришли, назывался Переяславлем, он присягнул Димитрию второму. Другой город, Ростов, расположенный в 12 милях дальше в глубь страны и ранее присягнувший Димитрию, воспротивился было, но это не привело к добру. 12 октября он перестал существовать, все постройки были обращены в пепел, многочисленные великолепные сокровища, золото и серебро, драгоценные камни и жемчуг расхищены, а в церквах были содраны даже ризы со святых» [6, с. 154]. Неточность Буссова исправляет Бер. «Переяславль присягнул Димитрию; но Ростов, отстоящий от него не далее 12 миль, не хотел покориться. 11 октября он был предан огню и мечу. Все сокровища, в нем найденные, золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, достались победителям» [5, с. 144].

Действительно, Ростов был захвачен 11, а не 12 октября 1608 года, что известно и из других источников. И.С. Шепелев в своей работе объясняет твердость позиции ростовцев «особым социальным обликом города», который был духовным центром и резиденцией митрополита. Духовенство смогло «удержать население от перехода к самозванцу, но оказалось не в силах организовать активное сопротивление интервентам» [18, с. 282].

Далее Бер и Буссов приводят сомнительную информацию, не подтвержденную другими источниками, о том, что захватчики похитили золотое изображение святого Леонтия Ростовского «в 200 фунтов весом» [5, с. 144; 6, с. 154]. Сама возможность наличия в здании православной церкви в тот период скульптурного изображения святого практически исключена. Вероятнее всего, имеется в виду золотая риза святого.

И Бер, и Буссов приводят сведения о том, что в Ростове был взят в плен митрополит Ростовский Филарет, возведенный Лжедмитрием в достоинство патриарха [5, с. 144; 6, с. 154].

«Несчастье Ростова было уроком многолюдному и богатому Ярославлю; он изъявил готовность признать Дмитрия царем и служить ему, чем мог» [5, с. 144]. Условия признания Лжедмитрия II ярославцами были следующими – «права граждан останутся неприкосновенными, дома не будут разграблены, а жен и детей не тронут» [5, с. 144]. Городским воеводой был назначен, как пишет Бер, «перекрещенный Швед, Греческой веры» [5, с. 145]. Буссов называет его имя – Лауренс Буйк. Настоящее имя этого человека, попавшего в плен в ходе Ливонской войны и давно жившего в России, – капитан Биугге [11, с. 272]. Ярославцы «отправили в Тушинский лагерь 30 000 рублей для раздачи войску; сверх того обязались снарядить тысячу всадников и выставить значительное количество съестных припасов» [5, с. 145]. «Но поляки все равно этим не удовлетвоались, совершали большие насилия над купцами в лавках, над простыми жителями на улицах, над боярами в их домах и дворах, покупали в лавках без денег что только им попадалось на глаза и могло им пригодиться, и это было причиной многих бед» [6, с. 158]. Рассказ Буссова и Бера представляет собой эмоциональное описание грабежей и насилий, которыми обернулся приход поляков и тушинцев, не исключая и тех городов, которые признали власть Лжедмитрия добровольно. В захваченных местностях царило беззаконие.

Описание дальнейших событий в городе имеется у Мартина Бера. По его мнению, восстание в северных городах, нарушивших присягу Лжедмитрию, связано с активной деятельностью голландца Даниила Эйлова промышлявшего в России вываркою соли. Он «разглашал в окрестных городах, что мнимый Дмитрий есть обманщик, и что Русские не обязаны сохранять присяги, данной Самозванцу; наконец решился перебить Поляков и собрал в свою солеварню до 200 человек простого народа, вооруженных луками, стрелами и копьями» [5, с. 145]. Заговор был раскрыт, Эйлов схвачен и, если бы не «вступился за них Ярославский воевода Иохим Шмит», участь его была бы predetermined [5, с. 145]. «12 декабря, Поляки умертвили близъ вышеозначенной солеварни 1000 Русских и сожгли многие деревни. В тот же день прибыли в Ярославль из Тушинского и Троицкого лагерей пан Александр Лисовский с 500 казаков и Ян Шучинский с 900 конных копейщиков; из Ярославля они двинулись к Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всех жителей; потом пошли к Костроме, Галичу и другим непокорным городам: все обратили в

пепел и овладели несметною добычею. Так миновал 1608 год, бедственный для России...» [5, с. 145].

Поведение польско-казачьих отрядов самозванца отражают также челобитные касимовского царя Ураз-Магмета гетману Сапеге о защите своих поместий в Ярославском и Ростовском уездах. Он пишет: «и загонные ратные люди... приезжают и абыду чинят великую, домишка крестьянския разоряют и живаты их емлют грабежам» [13]. Ураз-Магмет умоляет гетмана выдать ему «бережелные грамоты, за своею печатью, чтоб в те наши поместейца загонным людем, шарполникам, не въеждят, Литве и Черкасом и козакком и всяким людем ратным, обиды б крестьянишкам не чинили, и даней и кормов конских и людцких не правили» [12].

«В феврале, марте и апреле месяцах [1609 года] вспыхнул бунт в северо-восточных пределах России: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич изменили Дмитрию; со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли Немцев и Поляков с неимоверною злобою», писал Мартин Бер [5, с. 145]. По мнению Конрада Буссова, «единственной причиной их отпадения от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказать от грабежей и насилия, пока их не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силу у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска» [6, с. 158].

Бер сообщает также, что для подавления мятежа «посланы были паны Самуил Тишкевич и Лисовский, первый в Романов, а второй в Ярославль» [5, с. 146]. «Но крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделаться и должны были оставить их в покое» [6, с. 158].

Некоторые русские и иностранные источники содержат информацию о сражении 3 марта 1609 года под Романовом, в котором отряды Лжедмитрия II были разбиты и вынуждены отойти под Ростов. Именно от Романова повстанческие отряды двинулись на помощь ярославцам. На пути они встретили Самуила Тышкевича, о котором упоминает Буссов, и разбили его 7 апреля. 8 апреля Ярославль был освобожден.

Далее Бер и Буссов приводят хорошо известный факт попытки проведения переговоров с восставшими жителями Ярославля. Для этого в город был направлен Иоахим Шмидт, бывший какое-то время ярославским воеводой. Это был успешный купец (какого рода торговлей он занимался, неизвестно), возможно, ростовщик, немец по происхождению. Шведский посланник в России Петр Петрей писал о нем: «Иохим Шмидт, сын цирюльника, во время Шведской войны убежавшего в Россию, был до того отважен, что поехал в город Ярославль, потому что очень знаком был с тамошними горожанами и имел жену ярославку» [11, с. 273]. Бер говорит, что «бунтовщики, подозревая несчастного мужа к стенам крепости, вдруг окружили его и увели в город; он погиб злою смертью: его бросили нагого в огромный котел, наполненный кипя-

щим медом... Злополучный Шмит до тех пор варился в котле, когда тело его уже начало отставать от костей; наконец был выкинут за городскую стену на съедение свиньям и собакам» [5, с. 146].

В ответ Лисовский разорил Ярославский посад и двинулся дальше по Волге, «убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян» [6, с. 158]. Сведения Буссова и Бера об этом вполне достоверны. Однако успехи поляков были непрочны и недолговременны. В связи с этим Буссов и Бер приводят сведения о том, что Лисовский «смелою хитростью воинскою хотел покорить мятежный Ярославль; шел день и ночь, и уже достигал своей цели: раскинув лагерь в 3 милях от Ярославля, он хотел выдать себя за героя Скопина, чтобы овладеть городом нечаянно; но Скопин и Делагарди успели занять его» [5, с. 146; см. также 6, с. 160–161]. Ошибка авторов состоит в том, что они описывают действия поляков под Переяславлем Залесским, называя город Ярославлем. Делагарди тоже упомянут ошибочно, он не участвовал в освобождении Переяславля.

Еще один сюжет, связанный с историей нашего края на последнем этапе Смуты, встречен у Арсения Елассонского. Описывая события 1611 года, Арсений Елассонский так говорит о разбойных действиях поляков под Ростовом и Ярославлем: они «опустошили многие деревни, сожигая и опустошая деревни и местечки, но и сами немногие вернулись назад, потому что они выпили ту чашу, которую приготовили другим» [7, с. 11].

Подводя итог, отметим, что представленные источники, несмотря на лаконичность, отрывочность и противоречивость, помогают нам составить более полное представление о том, какую роль сыграл Ярославский край в событиях Смутного времени.

Литература

1. Аграфонов, П. Г. Ярославль и Ярославский край в XVII веке глазами голландцев / П. Г. Аграфонов // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXII. – Ростов : б/и, 2017. – 300 с.
2. Аграфонов, П. Г. Ярославский край в польских источниках эпохи Смуты / П. Г. Аграфонов // Трефолевские чтения. – Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2017. – 251 с.
3. Аграфонов, П. Г. Ярославский край в шведских источниках XVII века / П. Г. Аграфонов // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXI. – Ростов: б/и, 2016. – 392 с.
4. Аграфонов, П. Г. Ярославский край глазами англичан XVI–XVII веков / П. Г. Аграфонов // Провинциальная Россия. – Нижний Новгород : Экспресс, 2016. – № 1 (2). – 104 с.
5. Бер, М. Летопись Московская / Мартин Бер // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Российской академии, 1831. – 297 с.
6. Буссов, К. Московская хроника. 1584–1613 / Конрад Буссов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1961. – 400 с.
7. Елассонский, А. Хроники смутного времени / Арсений Елассонский. – Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. – 603 с.
8. Краткая повесть о злополучии и счастье Дмитрия, нынешнего князя московского // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – Москва : Университетская типография, 1875. – Кн. 3. – 726 с.

9. Маржерет, Ж. Состояние Российской державы / Жак Маржерет. – Санкт-Петербург : Типография Главного управления путей сообщения, 1830. – 61 с.
10. Паерле, Г. Записки о путешествии из Кракова в Москву и из Москвы в Краков с 19 марта 1606 года по 15 декабря 1608 года / Г. Паерле // Сказания современников о Димитрии Самозванце. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Российской академии, 1831. – 297 с.
11. Петрей де Ерлезунда, П. История о Великом княжестве московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах / Петр Петрей де Ерлезунда // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – Москва : Университетская типография, 1865. – Кн. 4. – 802 с.
12. Письмо Касимовскаго царя Ураз-Магмета гетману Сапеге с просьбою о присылке оберегательных грамот для поместьев его в Владимирском, Ярославском и Углицком уездах // Акты исторические, собранные Археографическою комиссией. Т. 2. № 168. – Санкт-Петербург : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. – 482 с.
13. Письмо касимовского царя Ураз Магомета с просьбой запретить взимать всякие поборы с имений, пожалованных его сестре, и дать береженную грамоту на эти имения. 1609, 13 февраля // Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI–XVII вв.]. – Санкт-Петербург : Тип. брат. Пантелеевых, 1879. – 604 с.
14. Повествование о замечательном и почти чудесном завоевании отцовской империи совершенном Дмитрием, великим князем московским в 1605 году. Собрал из достовернейших известий Бареццо Барецци // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – Москва : Университетская типография, 1848. – Кн. 5. – 354 с.
15. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского / Орудж-бек Баят. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2007. – 209 с.
16. Ту, Жак Огюст де. Сказания о Димитрии Самозванце / Жак Огюст де Ту // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Санкт-Петербург : Типография Императорской Российской академии, 1859. – 463 с.
17. Шаум, М. История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием и О взятии Шведами Великого Новгорода. Сочинение Матвея Шаума, 1614 года // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. – Москва : Университетская типография, 1847. – Кн. 2. – 362 с.
18. Шепелев, И. С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Том 1. Национально-освободительная и классовая борьба в Русском государстве в начале XVII столетия / И. С. Шепелев. – Волгоград : Перемена, 2012. – 407 с.

P.G. Agrafonov

FOREIGN SOURCES OF THE 17th CENTURY ABOUT YAROSLAVL REGION DURING THE TIME OF TROUBLES

The article deals with foreign sources concentrating on the Time of Troubles (Smuta) in Russia. This expands the knowledge about Smuta on the Yaroslavl Territory provided by Polish, Swedish, English and Dutch sources. Based on the analysis of the data presented in these materials, political and social history of the Yaroslavl region in the 17th century can be recognised to a greater extent.

The Time of Troubles, the Yaroslavl region, Yaroslavl, Uglich, Tsarevich Dmitry, False Dmitry, political history, mentality.